

Опубликовано в журнале:

[«НЛО» 2011, №107](#)

КИРИЛЛ МАРТЫНОВ

Две саги об эффективности

(Рец. на кн.: Karns A.J. *The mantra of efficiency: from waterwheel to social control*. Baltimore, 2008; O'Connell M. *Men of empire: power and negotiation in Venice's maritime state*. Baltimore, 2009)

Кирилл Мартынов

ДВЕ САГИ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ

Karns Alexander Jennifer. *THE MANTRA OF EFFICIENCY: FROM WATERWHEEL TO SOCIAL CONTROL*. — Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2008. — XVIII, 233 p.

O'Connell Monique. *MEN OF EMPIRE: POWER AND NEGOTIATION IN VENICE'S MARITIME STATE*. — Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2009. — XIV, 252 p.

В США и Европе основной массив серьезной литературы для ученых выходит в свет в университетских издательствах. В России ситуация иная: в среде преподавателей гуманитарных дисциплин наукой заниматься не модно, вузы публикуют в основном пособия для абитуриентов и (в лучшем случае) учебники, а академическая литература отдана на откуп горстке энтузиастов, не имеющих прямого отношения к академической науке. Выходить из этого тупика нам все-таки придется. И учиться лучшим российским университетам сегодня нужно даже не у Оксфорда, Кембриджа и Гарварда, крупнейших игроков на рынке научной литературы в мире, а у более скромных американских издателей.

В качестве примера можно сослаться на Университет Джонса Хопкинса, чья не самая крупная по американским масштабам издательская программа представляет большой интерес. Из последних книг, вышедших в издательстве университета, особое внимание обращают на себя две работы молодых исследователей-историков. “Мантра эффективности”, принадлежащая перу Дженнифер Александер, рассказывает о социально-политической истории понятия эффективности. “Люди империи” написаны Моникой О’Коннелл и посвящены административной истории Венецианского государства. У этих текстов есть несколько общих черт. Во-первых, они достаточно легко читаются неспециалистами, причем эта легкость достигается не за счет отхода от стандартов научного стиля письма, но благодаря внятности, связности и живости изложения материала. Во-вторых, обе книги, в сущности, посвящены идеологии и практике управления обществом. И если Александер демонстрирует критический анализ того, как контроль над движением человеческих

тел, требование действовать эффективно стал политической практикой, пережившей индустриальное общество и проникшей в актуальную повседневность, то О'Коннелл рассказывает историю венецианских ректоров — чиновников-предпринимателей, “эффективных менеджеров” своего времени, поставленных на службу торговой империи. Таким образом, речь в них идет о границах и механизмах реализации власти, интерпретируемой в духе Фуко.

Эпиграфом к книге Александер послужило высказывание героя повести Джозефа Конрада “Сердце тьмы” Марлоу: “Нас спасает сознание эффективности, верное служение эффективности”, — лежащее, по мысли Конрада, в центре идеологии нашей цивилизации, позволяющее отделять культуру от дикости. С этой оценкой литератора в XX в. соглашались многие экономисты. Что еще может лежать в основе стремительного роста западного мира, начавшегося во время индустриальной революции, если не способность действовать эффективно, т.е. точно, экономно, рационально, согласно стандартным, тщательно продуманным процедурам? Именно на идее эффективности построен индустриальный капитализм. И, разумеется, в течение всех последних столетий всегда находились непримиримые критики этой связки капитала и стандартизации поведения, самый известный из которых — это, пожалуй, Льюис Мамфорд. В своей работе “Миф о машине” (1967) философ дал классическое описание превращения техники из инструмента и объекта, подручного человеку, в самостоятельный субъект истории, трансформации человеческого общества по образцу механического автомата, который делает нашу биологическую природу устаревшей и неэффективной.

Александер напоминает читателям, что так было не всегда. Представление об эффективности не было рождено вместе с индустриализацией и не являлось от рождения ее иконой. “До XIX века эффективность была философским понятием, указывающим на причины изменений и пути Господни, и лишь во время индустриальной революции она была связана с человеческими возможностями и способностями”, — пишет автор. Затем у понятия эффективности появился новый смысл, который, строго говоря, указывал лишь на меру полезности машин, их коэффициент полезного действия. Третья жизнь эффективности началась, когда в первые десятилетия XX в. ее стали искать повсюду — в брачных отношениях между людьми, потреблении энергии, отдыхе, политическом и моральном поведении. Поскольку эффективность пришла к нам из мира техники, то столь широкое ее распространение не вызывало никаких вопросов: казалось, что любое рассуждение о ней имеет конкретный смысл. Никто не решался возражать против предложения жить и умирать более эффективно. На сцене появлялись первые профессионалы эффективности: отец научной теории управления Фредерик Тейлор и величайший практик индустриальной эпохи Генри Форд.

Но даже заняв центральное место в нашей повседневной риторике, эффективность остается весьма скользким понятием. Иногда она указывает на стабильность и неизменность вещей, а время от времени призывает нас двигаться вперед. Иногда она служит лишь критерием количественной оценки некоторого явления, а иногда финальной целью, к которой должно стремиться оцениваемое явление. Эффективность может быть как моделью хорошо организованного процесса, так и инструментом, который позволяет достичь такого контроля.

Александр начинает свое повествование с истории водяного колеса и ткацких станков. Исторически именно они стали первой ареной борьбы за эффективность. В руках изобретателей и предпринимателей машина становится инструментом исправления человеческой природы, позволяет человеку преодолевать свои ограничения и задавать новые стандарты производительности. Очень скоро машина становится источником формирования новых дискурсивных практик, введенных в оборот, среди прочих, Чарльзом Дарвином, заговорившим о биологических организмах в терминах эффективности. Естественный отбор, адаптация, выживание видов — все это было вопросом, поддающимся квантификации в терминах эффективности. Параллельно Дарвину двигался другой мыслитель викторианской эпохи — экономист Альфред Маршал, внесший эффективность в число стандартных терминов своей науки.

Несколько десятилетий спустя эффективность становится достоянием массовой культуры. В США появляются многочисленные газетные публикации, создающие настоящий культ эффективности, рассказывающие о самых эффективных работниках в различных отраслях промышленности. Александр приводит замечательный тест из американского журнала 1914 г., заголовок которого предлагает читателям: “Проверьте, насколько вы эффективны”. Аналогичные явления были широко распространены в веймарской Германии, где наиболее современные индустриальные концерны, такие как “Siemens”, широко рекламировали эффективность труда своих работников. Образ индустриального авангарда человечества, созданный в этих компаниях, затем был использован в нацистской пропаганде. В СССР стремление к повышению производительности труда обретает свои очертания в знаменитом стахановском движении. Ну а культурная рефлексия нового индустриального поведения человека, живущего по расписанию, совершающего точные движения в соответствии с инструкцией, представлена, к примеру, в фильме “Новые времена” Чарли Чаплина.

Итогом рассуждений Александр становится вопрос о судьбе эффективности в постиндустриальном мире. В качестве примера автор приводит историю корпорации “Dell”, единственного американского производителя компьютеров, сохранившего в начале XXI в. производственные мощности в США. Отказ от аутсорсинга в странах третьего мира, согласно утверждениям менеджеров “Dell”, стал возможен в силу выдающихся усилий компании по сохранению и наращиванию эффективности. Что имеется в виду? Оказывается, говорит Александр, работники фабрики “Dell” в Техасе смотрят специальные обучающие видео, где им демонстрируют навыки правильных движений при работе на конвейере. Получается, что индустриальная эффективность сохраняет свои позиции и сегодня.

Более того, современные технологии делают производственный контроль еще более совершенным. Специалисты по теории управления Шошана Зубофф и Джеймс Кортада еще тридцать лет назад сформулировали концепцию “информационного паноптикума”, системы организации производства, предполагающую полную прозрачность всех действий работника, а также непосредственный доступ к информации, которая в данный момент находится у него в работе, для управленцев всех уровней.

Мы часто рассуждаем о том, каким будет мир, где информационные технологии, в частности Интернет, проникнут повсеместно. Иногда мы склонны видеть будущее в розовых тонах, чаще придумывать апокалиптические сценарии. Но простые и по-настоящему важные вещи зачастую ускользают от нашего внимания. Например, мы не задумываемся о том, насколько изменились отношения между работником и работодателем с изобретением мобильного телефона. Благодаря ему уже в течение последних десяти лет от каждого наемного сотрудника можно в любой момент потребовать полного отчета о его местонахождении, действиях в настоящий момент, запланированной активности. До “информационного паноптикума” остается буквально один шаг. Эффективность еще никогда не была так близка к нам, как сегодня.

Работа профессора истории Моники О’Коннелл оказывается неожиданно актуальной для российского читателя. В “Людах империи” автор обращается к теме административно-политического устройства Венецианского государства, которое в отечественной историографии специально практически не рассматривалось. Пресловутая марксистская “оптика” позволяла видеть в Венеции лишь одно из транзитных государств Нового времени, причудливое сочетание развитого феодализма и раннебуржуазной республики, а вся местная специфика списывалась исключительно на факторы “надстроечные” и, соответственно, второстепенные. Таким образом, анализировать отечественным исследователям было просто нечего.

О’Коннелл, между тем, демонстрирует наличие сущностной связи между формой политической организации Венецианской республики и ее социальногеографической структурой. Ее “Люди империи” представляют собой рассказ о природе власти, анализ которой строится на историческом материале “отклоняющейся” от магистральной линии развития европейских государств Венеции. Именно на этом аномальном примере можно особенно отчетливо увидеть контуры тех проблем, с которыми сталкивается любая бюрократия: коррупция, асимметрия информации на всех уровнях инфраструктуры, смешение личных и должностных интересов чиновников. Рискну утверждать, что исследование О’Коннелл, прочитанное под определенным углом зрения, рассказывает нам в этом контексте о сущности современного российского общества больше, чем самые яркие газетные передовицы.

Если географически Венецианская республика представляла собой сочетание морских торговых путей, раскинувшихся в Адриатике и Восточном Средиземноморье, то ее администрация также “покоилась на воде”, хотя уже в переносном смысле. Управление республикой было основано на системе постоянных диверсифицированных, хорошо организованных и структурированных переговоров между заинтересованными сторонами, проводившихся в рамках заранее известных “правил игры”, формализованных в виде законов лишь частично. Власть являлась предметом консенсуса, а не произвола, однако этот консенсус не мог возникать в рамках открытой публичной дискуссии. В этом можно увидеть как силу, так и слабость государства Венеция. Его восхождение в качестве одного из крупных европейских игроков началось в XV в., а существование в качестве независимого города-республики продолжалось очень долго — вплоть до эпохи Наполеоновских войн. В чем секрет такого исторического долголетия города-государства с микроскопическим по меркам Нового времени населением в 100 тыс.

человек, который к тому же с неизбежностью начал вытесняться на периферию истории после эпохи Великих географических открытий, когда португальцы нашли путь на Восток через океан?

Фрагментированность торговой республики, разбросанной в XVI в. на множестве прибрежных территорий, привела к формированию специфики венецианской бюрократии, которой в течение длительного времени — несмотря ни на что — удавалось оставаться достаточно эффективной. Контроль Венеции над своими провинциями даже в период наивысшего расцвета был предметом достаточно хрупкого согласия, а республиканские институты вдали от метрополии являлись весьма непрочными. В сущности, как подчеркивает О'Коннел, аналогичные проблемы были характерны и для других империй того периода, в том числе для “настоящих” океанских империй с колониями в Новом свете, например Испании. Административные решения и административные проблемы Венеции, этой империи в миниатюре, в определенном смысле слова являются типичными для той эпохи.

Как и в других подобных государствах, венецианская власть была сосредоточена в городах, центрах своих регионов, и практически отсутствовала в сельской местности. Именно эта ситуация задавала тот контекст, в котором представителям метрополии приходилось в рамках “реальной политики” постоянно искать компромиссы, причем как в личных делах, так и во имя республики. Впрочем, между Венецией и “большими империями” существовало принципиальное различие. В то время как Испания и ее конкуренты были монархиями, Венеция исторически сформировалась как олигархическая республика. Этот факт имел огромное значение для функционирования венецианской администрации. В отличие от кортесов в испанской Вест-Индии венецианские колониальные чиновники не имели возможности создавать собственные “династии”, копируя монархическую модель управления, принятую в метрополии. Напротив, их должности также являлись выборными, причем срок службы составлял всего два года. Теоретически, подчеркивает О'Коннел, это должно было вести тому, что управление колониями должно было вестись на основе преданности государству и народу Венеции, а не на основе корыстных интересов. Однако на практике все обстояло гораздо сложнее.

Героями книги О'Коннел в узком смысле слова являются выборные чиновники-предприниматели, руководившие заморскими территориями, так называемые ректоры (*rettori*). Они не только формировали местные администрации, но и выступали в ключевой роли посредников между городом и его колониями, занимаясь как сбором налогов, так и представительством интересов регионов в центре. Автор “Людей империи” отмечает, что ректоры вступали в свои должности, будучи отягощенными множеством родственных и дружественных связей, а также коммерческих интересов, которые связывали всю венецианскую элиту. Эти неформальные сети постоянно размывали различия между официальными функциями венецианских чиновников и их личными интересами. Официальная идеология Венеции яростно порицала такое положение вещей, постоянно вводились все новые и новые антикоррупционные законы, препятствовавшие бракам ректоров с представителями местной знати, их коммерческой активности. Тем не менее практика регулярно складывалась иначе. Ректоры, несмотря на

выборность, всегда проявляли на подконтрольной территории вполне конкретную частную экономическую и политическую активность. Более того, как демонстрирует О'Коннел, неформальные сети контактов, распространяющиеся насквозь как в метрополии, так и в среде периферийных и иностранных элит, зачастую помогали венецианцам решать государственные проблемы.

Конечно, было бы преувеличением сказать, что такое смещение публичного и частного в делах ректоров являлось залогом успехов Венеции, однако оценка ситуации, согласно О'Коннел, является по меньшей мере амбивалентной. Венецианская республика сумела поставить на службу государственным интересам своих "инноваторов", фактически закрывая глаза на их возможность действовать в интересах личной выгоды, паразитируя на административных структурах. Очевидно, что венецианская модель имеет любопытные параллели с отечественной действительностью. Так, новейшие исследования, посвященные советской плановой экономике, демонстрируют, что просчеты планировщиков, недостатки и задержки компенсировались в ее рамках неформальными связями, знакомствами и "телефонным правом" руководителей предприятий. По всей видимости, существует некоторая закономерность: неэффективность формальной администрации может в течение некоторого времени компенсироваться личными контактами администраторов.

Ключевая, третья глава книги О'Коннел посвящена именно этому вопросу: исследователь ставит перед собой задачу проанализировать противоречия между государственной антикоррупционной идеологией Венеции и практической деятельностью ректоров. "Законодатели регулярно запрещали ректорам иметь личные отношения с представителями управляемых территорий и вообще выходить за рамки своей публичной роли венецианского чиновника. Те, в свою очередь, столь же регулярно нарушали эти запреты, устанавливая неформальные связи с местным населением, заключая с ними коммерческие сделки и браки, покупая и продавая недвижимость. Венецианское государство существовало в рамках постоянного конфликта между идеологией общественного служения и реальной практикой частных неформальных контактов, пронизывающих всю империю.

О'Коннел анализирует как конкретные примеры такой "двойной морали" в биографиях ректоров, так и границы толерантности венецианского общества к подобным административным "отклонениям" от воображаемой республиканской нормы. Является ли власть выборного чиновника своеобразной индульгенцией для занятия частным промыслом? Когда государство обязано вмешиваться в частную активность бюрократа? Как долго может существовать такая конструкция, сочетающая в себе демократические процедуры выборов, республиканские идеи общего блага и феодальное кормление?

Интерес к работе О'Коннел естественным образом выходит далеко за пределы узкого профессионального сообщества историков, специалистов в области раннего Нового времени. Монография об администрации Венецианской республики обнаруживает в себе неожиданные параллели с известным трудом С.Г. Кордонского "Сословная структура постсоветской России" (М.: ФОМ, 2008). Она заставляет нас, граждан современной России, задуматься о том, что нам делать с собственными ректорами. Ибо последняя глава "Людей империи" рассказывает о

причинах упадка Венеции. Пример республики ректоров показывает, что государства могут быть устроены очень по-разному, что они обладают сложной внутренней динамикой и самостоятельными интересами, отличными от интересов отдельных индивидов, включая правителей. Аномальная политическая история Венецианской республики провоцирует нас на поиски и обоснование модели более эффективной бюрократии, т.е. на пресловутую модернизацию.

© 2001 Журнальный зал в РЖ, "Русский журнал" | Адрес для писем: zhz@russ.ru
По всем вопросам обращаться к [Татьяне Тихоновой](#) и [Сергею Костырко](#) | [О проекте](#)
